

Ирина Таянова
сердца
над бездной

историческая повесть

Ирина Гаюнова
Сердца над бездной.
Историческая повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40521321

ISBN 9785449097026

Аннотация

Книга о людях, выживших в лихие 30-е на севере Омской области, где располагался лагерь для раскулаченных семей – Кулай. О тяжёлой жизни простой крестьянской семьи, у которой репрессировали мужа и отца.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	14
Глава 2	16
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сердца над бездной

Историческая повесть

Ирина Гаюнова

© Ирина Гаюнова, 2019

ISBN 978-5-4490-9702-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Прошло более восьмидесяти лет с начала тех трагических событий. Именно много лет назад в молодой Советской стране начались массовые репрессии против своего народа, которым подвергались старики, мужчины, женщины и дети. Таким страшным местом было на севере Омской области спецпоселение Кулайской комендатуры, куда свозились некогда крепкие семьи (так называемые кулаки). Отнимая нажитое, сгоняли людей на необжитую, неприспособленную землю, где те были брошены на самовыживание. Как это можно забыть? Боль не утихает, она переходит из поколения в поколения на генетическом уровне. Время сравняло с землёй спецпосёлки и комендатуры, заросли заброшенные погосты. Но осталась ПАМЯТЬ. И ради этой памяти наше поколение, уже не знающее той страшной жизни, должно всё сделать для того, чтобы об этих страницах истории помнили наши внуки и правнуки. А главное, чтобы такой трагедии больше никогда не повторилось.

В 1928 году на севере округа на Васюганских болотах было организовано спецпоселение политзаключённых Кулай. Этому предшествовала следующая история.

В 1908 году Российской империей была организована экспедиция по исследованию бассейна реки Васюган и продол-

жалась она до Первой мировой войны, которая помешала завершению деятельности экспедиции. Затем началась революция и Гражданская война. И к 1926 году уже Советское правительство возвращается к идее необходимости изучения и освоения территории Васюганского бассейна. На этом фоне разрабатывается и принимается решение о создании исправительно-трудовых лагерей с началом весны 1930 года. В те годы работа с раскулачиванием населения и переселением их на необжитые, непригодные территории намного опережает возможности разведывания природно-климатических условий Нарымского края, которые тянутся вплоть до 1938 года. Именно кулаков считали способными освоить эти края, как они осваивали территории Сибири, учитывая их опыт ведения сельского хозяйства. И не дожидаясь окончания результатов, начинается сразу процесс формирования спецпосёлков и комендатур в районах речных систем этого безлюдного, не приспособленного для ведения сельского хозяйства мест. Этим местом и были Васюганские болота.

И в 1930 году в верховьях реки Ягыл-Яг – левого притока верхнего Васюгана на месте спецпоселения политзаключённых создаётся Кулайская комендатура и размещается в селе Васисс в 40 км от болот. Она также располагалась и в 73 км от деревни Петровка Тарского района. Это было одно из самых гиблых мест Западно-Сибирского края, не дающее возможности не только для земледелия или скотоводства, но даже для собирательства, охоты или рыболовства. Вот как опи-

сываются климатически-погодные условия. «Сильных ветров на Васюганье практически не бывает, но при этом наблюдается очень высокая влажность воздуха и низкие температуры поздней весной и ранней осенью. Довольно обширная часть бассейна реки занята глубокими, до 6 метров, болотами и хвойными лесами, переходящими в смешанные. Исследователи также отмечали, что районы Васюгана и его притоков очень слабо заселены, промышленность в них не развита, течение рек невыгодное, дорог очень мало и они труднопроходимы». Районы реки Ягыл-Яг принадлежали к 3-й очереди и в первоначальных планах расселения не рассматривались. Но, уже начиная с 1930 года, масса крестьянских семей была отправлена на освоение необжитых территорий.

В Кулайскую комендатуру входило 22 посёлка расположенных по берегам реки Ягыл-Яг и ее притоков: Тюкалинское, Новоомский, Саргатский, Кулай, Яглы, Сосновка, Псковка, Реймана, Граудина, Сырбашка, Ключи, Турки, Киксы и др... Трудовой посёлок – Кулай для репрессированных, основан в 1928 году, который просуществовал 18 лет, разделившийся в последствии на Верхний Кулай и Нижний Кулай. Расположение Кулайской комендатуры в верховьях реки Ягыл-Яг имело большую географическую оторванность от культурных и промышленных центров Сибири (Томской, Омской областей), и было совершенно недоступным из-за отсутствия путей сообщения. Это обсто-

ательство, являясь с одной стороны очень выгодным в смысле общественной изоляции спецпереселенцев, но с другой влекло за собой трудности хозяйственной деятельности поселений. Отсутствие дорог, недостаточное количество гарей, которые могли быть приспособленными под пашни, ставили под сомнение вопрос освоения этого района. Вот как, например, описал размещение спецпереселенцев в Кулайской комендатуре в бассейне реки Ягыл-Яг работник краевого земельного управления Белокобыльский: «На вспаханных почвах произрастание огородных культур остановилось на стадии развития первых листьев... До 16 июня включительно в утренние зори температура доходила до ноля градусов, было несколько инеев, почва в низких местах до сих пор промерзшая, протаяла не более чем на 1—1,5 метра... Заниматься там сельским хозяйством, учитывая вышесказанное и большую затрату рабочей силы на раскорчевку леса, хозяйственно нецелесообразно...»

В июле 1930 года в Кулайскую комендатуру приехала комиссия по обследованию жизни кулаков по специальному направлению Сибкрайадмуправления, которое рассматривало варианты переселения кулаков в более благоприятные районы. Этому способствовало большое количество смертей из-за невыносимых условий жизни, особенно детей. В акте обследования условий расселения кулацких хозяйств отражено местоположение, санитарные условия про-

живания, состояние спецпоселенцев, медицинское и административно-хозяйственное обслуживание. Все показатели по исследованию посёлков были, надо сказать, не утешительные. Из протокола заседания комиссии по хозяйственному устройству кулаков II категории на севере: «Расселены кулаки по правому берегу р. Ягыл-Яг в 18 поселках, по левому – в 4-х. Последние весьма на низком месте: в момент весеннего разлива реки заливаются; требуют переброски на более сухие места. Постройки... – рыбацьи и охотничьи избышки без мха, прорезаны окна, но не застеклены ввиду отсутствия стекла. Крыши отсутствуют, забросаны кое-как березовой корой, полы деревянные имеются, но в очень редких избышках... В летнее же время районы реки Ягыл-Яг были практически отрезаны большими болотами и доступны лишь пешеходам со стороны поселка Петровского Тарского района».

Из протокола той же комиссии стало ясно, какое питание было в спецпосёлках: «факты примеси к ржаной муке толченой березовой коры, всевозможных трав в целях увеличения количества хлеба. Выдавался такой «продукт» на человека 6 килограммов в месяц». В поселках Кулайской комендатуры происходил повальный голодомор: из поступивших в марте 1930 года 8891 спецпереселенца, к августу осталось лишь 1607 человек, остальные или умерли, или сбежали (учёт отсутствовал). Особенно тяжелая ситуация сложилась с детьми: «По сообщению Ягыл-Ягского переселенческого фельдшерского участка идет полное вымирание детей

от 2 месяцев до 7 лет ввиду недостатка питания». Проверка Кулайской комендатуры заключила, что «почвы оказались совершенно непригодными для ведения сельского хозяйства...», и пришла к выводу, что «дальнейшее пребывание кулаков на расселенном в данный момент месте невозможно». Результаты рассмотрения акта проверки в Кулайской комендатуре шокируют своим цинизмом: «акт комиссии односторонен и не указывает положительные факты местности, ликвидировать комендатуру не следует; бегут «кулаки» с места расселения не из-за голодного пайка, а из «нежелания осваивать эти места и непримиримости», переводить их на юг «было бы сейчас очень нелепым»; в переселение уже вложены средства, если переселять, то надо вкладывать вночь..».

Поэтому Кулайская комендатура ликвидирована не была. Хотя вопрос о переносе комендатуры в крае поднимался и рассматривался вариант в сентябре 1930 года, о её передислокации на реку Шиш – правый приток Иртыша. Но это осталось лишь вариантом. Чтобы удержать «раскулаченных» нужно было их чем – то кормить и занимать. «Второго декабря 1931 года Тарским РИКом было принято решение о формировании обоза в связи с необходимостью перевозки хлеба для кулаков, сосланных на Кулай.» Предполагалось привлечь от сельских советов Тарского района 960 подвод по 25 пудов хлеба на каждую. Доставили в урочище Кулай до 5 фунтов на каждую лошадь овса (всего лошадей осталось

333 головы из приведённых 2254 голов). Лошади истощены и непригодны к работе, так как кормили лошадей листвой, раскапывая снег». Для обеспечения на территории посёлка порядка и безопасности при коменданте состояли милиционеры в количестве от 1 до 4 человек, из расчета 1 милиционер на 50 семей спецпереселенцев.

В сентябре-декабре 1931 года Кулайская комендатура состояла из трех поселков в составе 4253 человека, в декабре 1932 в ней находилось 2822 спецпоселенца. И начиная с 1933 года в документах НКВД о Кулайской комендатуре не упоминается. До 1934 года крестьяне, направленные в «кулацкую ссылку» назывались спецпоселенцами, в 1934—44 годах – трудпоселенцами. В 1936 -1937 годах реформируется сеть трудпоселений, расположенных на территории Омской области. Из трех северных районных комендатур (Тарской, Знаменской, Тевризской), Тарская и Тевризская нуждались в переселении на другие земли. Надо сказать, если Тарская комендатура относилась к разряду «старых», и состояла из кулаков внутрисибирской миграции 1930—1931 годов (Кулайская комендатура), то Тевризская была «новой», заполненной населением, высланным в 1933 – 1934 годах из южных национальных районов СССР (На тот момент часть Знаменского района была отдана в Тевризский). Весной 1937 года 2353 трудпоселенца из Тевризского и Знаменского районов репрофилируют с сельскохозяйственных на производственные работы. Трудпосёл-

ки перебираются ближе к местным рыбтресту и рыбокомбинату. А 300 трудпоселенцев из Тарского округа определяют для переселения в Таджикистан для освоения целинных земель.

Надо сказать, что изгнанные семьи, на протяжении всего времени ссылок, начиная с 1930 года, не могут смириться со своим положением. Постоянно происходят побегии. Убегают из мест заключения целыми семьями, при этом многие скрываются, а многие возвращают к месту жительства только жён и детей, в надежде, что без главы семьи обратно семьи посылать в ссылку не будут. Некоторые предпринимают попытки разводов с жёнами, с одновременным заключением брака их с батраками, и бедняками. Раздают своих детей в приёмные семьи. После 1938 года передаются полномочия от комендатур исполнительным комитетам, ослабляется режим, снимается со спецучёта молодёжь до 18 лет.

С мая 1934 года по декабрь 1940 года именно на территории Знаменского района находился этот страшный лагерь смерти. Об этом говорят сухие строки из краткой истории Знаменского района: «в мае 1934 года был восстановлен Знаменский район, из оставшейся территории, ликвидированного Тарского округа Западно-Сибирского края». Куда вошёл и Васисский район, где и располагалась комендатура. «В июле 1934 года в Знаменский район Тарского округа передана расположенная по течению реки Ягыл-Яг территория Каргасокского района Нарымского округа».

Режим спецпоселения был снят в 1947 году, часть поселенцев была принудительно выселена в соседние деревни. Дата закрытия комендатуры неизвестна, последние документы датированы 1947 годом. Смертность в те годы в 4—5 раз превышала рождаемость. Мы не знаем, сколько русского народа полегло в этих болотах, но думается, что очень много, поскольку целых семнадцать лет вплоть до 1947 года гнали сюда людей со всей России.

В Предисловии использованы работы: Красильникова С. А.

«Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири», Данилова А. А. «История государства и народов России XX века», Демешкина В. А. «Спецпереселенцы комендатур ОГПУ в Нарыме (1930 г.)», В. Макшеева « Спец. исследование». В. Н. Уйманов « Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919—1941 г.) В.Н.Уйманов « Спецпереселенцы в системе сибирского итл (сиблага) ОГПУ-НКВД в 1930 —х годах».

Глава 1

«Тише! тише!» – толкаясь локтями и прикладывая палец к губам, старшая сестра Альма указывала глазами на чужих грязных и оборванных людей, случайно постучавшихся поздно вечером в их дом. Ребятишки сразу забрались на печь, и с нескрываемым любопытством и страхом поглядывали на чужих. Эти пришлые были не похожи на деревенских из соседней деревни Егоровка, которая располагалась примерно в полукилометре от их единоличного хутора.

Таких хуторов было немало в их стороне, где семьями селились в начале двадцатого века в поисках лучшей крестьянской доли латышские семьи. Раскорчёвывали лес, освобождая земли под поля. Распахивали их, устраивали нехитрое, по тем временах, жильё на первое время и обживали суровый, своенравный край, называющийся Сибирью. Матильда Андреевна Предэ (в девичестве Гульбис), так звали мать шестилетней Ольги, самой младшей из 13 детей, дожившей до наших времён и рассказавшей эту историю, не смогла закрыть дверь перед внезапно возникшими измождёнными людьми. Поколебавшись доли секунды, не задумываясь о будущем, впустила их на ночь.

Семь месяцев назад, в феврале 1938 года, забрали единственного кормильца, мужа Фёдора Эвальтовича. Не угасала у Матильды душевная рана дорогой потери, и в ночь, когда

изгнанники остались на ночлег, её мучили сомнения, правильно ли она поступила, впустив их в дом, полный малы-ми детьми. В душе женщина молилась в надежде, чтоб ни-кто не увидел, как беглые с Кулая постучались и вошли в их избу. Матильда страшно боялась соседа, по фамилии Ерик, который жил в полукилометре от их хутора и вызывал недо-верие и подозрительность у всех жителей соседних хуторов после ареста мужа Фёдора.

Глава 2

..... В дом вошли семеро. Сразу воздух заполнился запахом грязных невымытых тел, мокрой, пропитанной болотной жижей, обветшавшей одеждой. Обросшие, грязные, они тихо, безучастно опустились на пол. Трудно было разглядеть в их серых, уставших, измотанных дальней дорогой, голодных лицах, людей. Маленькая Оля отчётливо запомнила, что среди них была одна женщина. Как ей показалось, это была полноватая, уже не молодая, полячка. Она тихо плакала и причитала на своём языке, при этом нетерпеливо потирая распухшие ноги. Матильда Андреевна, молча, хлопотала возле гостей. Принесла воды для умывания, не докучала с расспросами, понимала, что сейчас не время разговоров. На их просьбу, также молча, подала нож обрить бороды. Женщине протянула флакон с настоем мухомора, разорвала тряпку на ленты. Та в свою очередь натёрла больные места и обмотала их тряпичными бинтами. Успокоив воспалённые ноги, полячка начала молиться. Наблюдая за измученными людьми, мама Ольги тихонько плакала, утирая слёзы передником, а сама Оля и её старшие сёстры и братья с любопытством наблюдали и ловили каждое слово, сказанное пришлыми людьми, со своего укромного места, которым являлась печь.

Немного отдохнув и перекусив нехитрой постной пищей,

мужики стали рассказывать о своём побеге из специального поселения для ссыльных – Кулая, организованного на Васисских болотах. С дрожью в голосе, с нескрываемым страхом, начал своё повествование рассказчик о пережитом. Услышанное брало за душу, щипало ноздри, тела бил лёгкий озноб, и всё же беседа продолжалась, несмотря на усталость и позднее время.

«Дождались августа, – начал свой рассказ высокий, худой, на вид не молодой уже мужчина – Когда гнус немного спал, да и ночи стали темнее, с туманами, решили, во что бы то ни стало, бежать. Жить в поселении становилось всё труднее. Просто не вмоготу!» – выдохнул он.

По его рассказу несчастные люди в страхе и трепете встречали свою новую жизнь в условиях болот. Когда их привели на Кулай, там уже проживали старожилы, которые начинали строить поселение с самого начала его возникновения, но таких остались единицы. Рассказывали, как они строили бараки, выкорчёвывали и заготовливали лес. Зимой им приходилось доедать, привезённую с собой провизию, а потом ели павших лошадей. Как-то дотянули до весенних тёплых дней. Ну а там, в пищу пошли подрастающая молодая зелень, съедобные коренья, затем до ягод и грибов дожили.

Измученные долгой дорогой, но поистине воспрянувшие духом от возбуждения, путники не могли долго заснуть. Они, не перебивая друг друга, старались рассказать как мож-

но больше приютившей их Матильде обо всём, что они пережили, знали и слышали от других. «Нас привезли почти на голое место, – вспоминал коренастый, исхудавший юноша, который попал на Кулай ещё подростком весной 1930 года вместе с родителями, тогда ещё была полновесная зима, лишь появлялись первые проталинки, – когда нашу семью и многих таких, как мы доставили на остров, уже наступали вечерние сумерки. Холодало быстро. Сбившись в кучу, чтобы было теплее, усталые от тяжёлого перехода, уснули. Утром, только открыв глаза, были шокированы увиденным жутким зрелищем. Недалеко от нашего стихийного ночлега сидела, запорошенная снегом, замерзшая семья – мать с детьми. До сих пор эта картина у меня перед глазами стоит». Юноша заплакал, но его никто не утешал, всем было жутко от представившейся вдруг картины. Немного успокоившись, молодой человек продолжал свой горестный рассказ: «Таких семей, где не было хозяина, поступало много. Мужчин почему – то задерживали в комендатуре, а жен с детьми отправляли на Кулай, где они, беспомощные и находили свой конец. Когда, уже со следующим этапом главу семьи отправляли на остров, то встречать его было не кому». «Но желание выжить заставляло приноравливаться к условиям существования на Кулае, при этом проявлять житейскую смекалку. Когда не было ещё землянок, спастись от холода помогали погасшие кострища, в которые и укладывались спать на ночлег, одеялом служили еловые ветки. Учи-

лись охотиться за дичью без ружей, ставили петли на зайцев, птиц, чтобы хоть как-то прокормиться», – подхватил тему третий, со шрамом на лице, кудрявый, с проседью, не по годам состарившийся мужчина, – с каждым этапом ссыльных прибавлялось. Тогда и придумали размещать раскулаченные семьи вместе с тех мест, где они раньше проживали. Каждое такое поселение объединялось и получало название района, из которого прибыла семья ссыльных. Так и возникли в болотах в Кулайской комендатуре двадцать два поселка. Это позволяло больше узнавать о заключённых от их соседей, да и следить за ними было проще».

Глава 3

Специальное поселение было открыто в 1928 году в урочище Кулай. Но только первая высылка произошла в середине марта 1930 года. Глухая тайга, окруженная непроходимыми болотами. До ближайшего населенного пункта, хутора Калинин, десять верст, а до деревни Петровка 73 километра. Потянулись первые повозки с ссыльными. Через хутора и деревни вереницей вели обречённых мучеников. Колонна растянулась на два с лишним километра. В обозах со скудным скарбом торчали детские головки, следом плелись матери, потерявшие счёт времени с младенцами на руках, подростки, старики и старухи. В марте мороз достаточно дерзкий, хотя и солнышко начинало пригревать. На протяжении всего пути полуголодные, в скудной одежке, люди не выдерживали. У матерей пропадало молоко. Первыми погибали от голода младенцы. Вот и стали появляться могилки по обеим сторонам страшной дороги, а когда вовсе невозможно было выкопать могилку, оставляли так у дороги, засыпая снегом. Видя, как погибают младенцы, отчаявшиеся женщины отдавали своих малышей в руки женщин ближних деревень в надежде вернуться за ними. К весенней распутице дорогу разбили так, что двигаться можно было по ней с большим трудом.

Деревенские и хуторяне с нескрываемой жалостью про-

вожали молчаливым взглядом очередную колонну репрессированных. Им приходилось видеть боль и страх, стоящие в глазах обречённых людей. Сопровождающая колонны конная охрана не позволяла деревенским жителям передавать ссыльным продукты, за это стегали плётками, которые были наготове у каждого всадника. Донимали их конвойные и по обмену уставших лошадей, загнанных в долгой дороге, а также забирали подводы, чтобы доставить из Тары кулаков за болото.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.